

Однако позже отец Тун Сюя постепенно понял, что у президента, хотя и есть амбиции объединить страну, нет соответствующего размаха и решимости. В эту эпоху быстрого развития, сталкиваясь с консервативной династией Цин, президент был революционером, но перед лицом настоящих революционеров с юга он становился робким консерватором. Более того, став президентом, он, как и многие чиновники Цин, хоть и изменил внешний вид, постепенно начал отождествлять себя с императором.

Отец Тун Сюя хорошо понимал разницу между ними, но не знал, как намекнуть старому другу. Президент, становившийся все более самоуверенным, начал проявлять подозрительность и хитрость, как это делали многие правители в истории, и даже начал избавляться от тех, кто ему мешал. Его ближайший советник Ин Тяньлай, хотя и не предлагал никаких действительно полезных идей, но благодаря умению угадывать желания начальника и помогать избавляться от неугодных чиновников, стал главным советником.

Времена изменились, но люди остались прежними.

Отец Тун Сюя понял, что путь президента недолог, и пять лет назад начал планировать. Четыре года назад он отправил своего любимого и многообещающего третьего сына, мечтавшего о военной карьере, на учебу в Германию. Тун Сюй вернулся год назад и сразу же стал служить под началом командующего Суна.

Хотя такое сближение сына с армией Бэйнин вызвало подозрения у президента, это того стоило. Отец Тун Сюя хорошо понимал, что даже если он ничего не сделает, богатейшая семья Тун рано или поздно заставит президента, чьи амбиции росли с каждым днем, нервничать. Но теперь, когда семья Тун связалась с армией Бэйнин, известной своими военными заслугами и независимостью, президент оказался в затруднительном положении.

Что касается Тун Сюя, то, вернувшись год назад, он был полон решимости посвятить себя службе родине. С чистыми помыслами и обширными знаниями он постучался в дом командующего Суна. Хотя позже, столкнувшись с реальностью армии, он понял, что идеалы и действительность далеки друг от друга, он благодаря упорству и стараниям с невероятной скоростью влился в армию Бэйнин. Из «молодого господина из знатной семьи», которого все обсуждали, он превратился в уважаемого адъютанта Тун Сюя. Хотя его формально оставили на должности адъютанта, все знали, что командующий Сун относился к нему как к преемнику. Если ничего не изменится, следующим командующим армией Бэйнин, вероятно, станет этот молодой человек.

Чтобы быть ближе к учебе, Тун Сюй после возвращения переехал в дом Суна, усердно выполняя роль «ученика». В процессе он, находясь рядом с командующим Суном, неизбежно познакомился с его любовью к театру и с Ду Линянь — Ци Цунсюэ, который покорила весь город.

Первый раз, когда Тун Сюй увидел спектакль, он был поражен внешним видом и голосом Ци Цунсюэ. Его нежный и прекрасный голос, изящная фигура, даже через толпу зрителей, заставили Тун Сюя почувствовать мурашки по коже.

С тех пор он влюбился в театр, вернее, не в театр, а в человека — Ци Цунсюэ.

Каждый раз, когда Ци Цунсюэ выходил на сцену, Тун Сюй был в зале, даже если знал текст наизусть, он никогда не уставал от этого. Когда он не был с командующим Суном, он надевал обычную одежду и садился в первых рядах, среди мужчин, щелкающих семечки и пьющих чай. Этот стройный, как сосна, молодой человек, завороченно смотрел на сцену, погружаясь все глубже. Он был очарован Ци Цунсюэ, но из-за этого самого обожания боялся приблизиться, не

желая использовать деньги или статус третьего сына семьи Тун, чтобы осквернить человека, который для него был чистым, как нефрит. Он лишь скрывал свои чувства, отправляя скромные подарки за кулисы.

Вернувшись в столицу, как адъютант командующего Суна, он был первым, кто узнал, что Ци Цунсюэ устраивает благотворительный спектакль в честь победы армии Бэйнин. Услышав, что перед этим он дал три аншлаговых спектакля, находясь на пике формы, а накануне благотворительного выступления специально отдыхал, чтобы набраться сил, его волнение росло, и он почти слышал, как бьется его сердце.

Наблюдая за фигурой на сцене, он был очарован. Полгода не виделась, но мастер Ци стал еще прекраснее. После этого вечера, вероятно, многие солдаты армии Бэйнин тоже влюбятся в него...

Внезапное беспокойство переполнило его, и, услышав, что командующий Сун собирается за кулисы выразить благодарность, он не смог противостоять своему сердцу и последовал за ним, словно паломник, чтобы увидеть мастера Ци.

Это был первый раз, когда он так близко подошел к мастеру Ци. Он еще не снял грим, тяжелый головной убор и костюм лежали рядом, а он, придерживая пальцы, разговаривал с мужчиной. В тусклом свете за кулисах, под толстым слоем грима, трудно было разглядеть настоящее лицо и эмоции Ци Цунсюэ. Услышав, как мужчина называет его близко, Тун Сюй почувствовал горечь. Это странное чувство застало его врасплох, и он невольно отступил, не сразу подойдя к мастеру Ци.

Но когда он не смог избежать встречи с Ци Цунсюэ, чувство, словно его жизнь обрела полноту, заставило его жадно рассматривать лицо мастера Ци. Он был немного не таким, как он представлял, но это не разочаровало, наоборот, он считал, что мастер Ци еще прекраснее, чем он мог представить.

Он заметил, что даже под толстым слоем грима он мог почувствовать истинные эмоции мастера Ци. Услышав его искреннюю похвалу, глаза Ци Цунсюэ загорелись, явно выражая радость, что окончательно покорило его, и он больше не мог сопротивляться.

Он молча стоял, напряженный, взгляд невольно прикован к Ци Цунсюэ, который наклонялся, чтобы смыть грим. Теперь за кулисами были только они двое, и тишина, витающая в воздухе, заставляла его нервничать. Он был бесконечно благодарен своей фуражке, которая скрывала его взгляд, чтобы его пылкость не испугала мастера Ци. И эта строгая военная форма помогала ему контролировать свои действия.

Когда мастер Ци снял грим, он потерял яркий блеск, который был на сцене, но это только усилило волнение Тун Сюя. Его тонкие брови выглядели нежными и изящными, но благодаря узким, слегка приподнятым глазам он не казался женственным. Естественный румянец в уголках глаз вызывал желание защитить его, белая кожа и алые губы, полные губы, которые, казалось, всегда были готовы улыбнуться, заставляли его думать о том, каково будет поцеловать их...

Стихотворение Чжан Ляя внезапно всплыло в его памяти:

*

Без единой пылинки, аромат до костей,

Тело бессмертного, окутанное росой.

*

Прекрасный юноша перед ним действительно был подобен бессмертному, с нежной кожей и изящными чертами... вызывая желание прикоснуться к нему.

Тун Сюй резко выдохнул, заставляя себя отвлечься, внутренне ругая себя за то, что он осмелился думать о таких вещах, оскверняя мастера Ци...

— Господин Тун, я закончил, пойдём.

Голос мастера Ци стал для него спасением. Он молча кивнул, опустил козырек фуражки и, сделав шаг вперед, пошел впереди, чтобы открыть путь мастеру Ци, тщательно выполняя свои обязанности защитника.

Они шли молча, по какой-то причине не выбрав рикшу, а решив пешком вернуться домой. Ночь была глубока, и хотя днем этот район был оживленным, сейчас здесь царила тишина, лишь изредка доносился далекий лай собак.

Тун Сюй жадно наслаждался этим временем наедине, мечтая, чтобы этот путь никогда не заканчивался. Он затаил дыхание, стараясь почувствовать присутствие мастера Ци рядом.

Та искренняя и горячая любовь, которая была в нем, почему-то после этой первой встречи превратилась в нечто большее — в безумное желание.

Он не знал, как выразить это, и даже не был уверен, стоит ли, но он не мог себя контролировать.

<http://bllate.org/book/17715/1655496>